

Протоиерей Борис Пивоваров

ЦЕРКОВНОЕ БОГОСЛОВИЕ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БОГОСЛОВСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье раскрывается богословское обоснование тезиса «православное богословие — это церковное богословие». При этом рассматривается актуальная задача духовных школ Русской Православной Церкви — определение круга источников церковного богословия, представление путей и методов освоения их через изучение Священного Писания, Священного Предания и Церковной истории в святоотеческом духе. Церковное богословие предлагается в качестве основы для совершенствования богословского образования. Излагается концепция богословского образования, построенная на основе церковного богословия, на призывах лучших профессором МДА середины XX века к «оцерковлению богословских предметов» (выражение проф. Василия Сарычева). Изучаемые в семинариях богословские учебные дисциплины могут органично входить в состав следующих комплексных учебных курсов: литургическое богословие, святоотеческое богословие, историческое богословие, апологетическое богословие. В статье также рассматривается ряд современных проблем, в числе которых — педагогическая подготовка к пастырскому служению в сфере образовательной деятельности Русской Православной Церкви, богословское образование и интернет и др. Приводятся примеры обращения богословов, священнослужителей и иерархов к церковному богословию как к основе богословского образования.

Ключевые слова: церковное богословие, концепция богословского образования, совершенствование богословского образования, духовное образование в православной семинарии

Вступление Тезис **«православное богословие — это церковное богословие»** для православного христианина, на первый взгляд, не требует объяснений или доказательств. Однако при тщательном изучении богословского наследия Русской Православной Церкви XIX–XX веков, при системном анализе состояния нынешнего богословского образования утверждение **«православное богословие — это церковное богословие»** требует четкого богословского обоснования.

Архиерейский Собор Русской Православной Церкви 1994 года, подчеркнув, что богословское образование является приоритетной общецерковной задачей, своим определением **«О задачах Церкви в области богословского образования»** указал к предстоящему Поместному Собору разработать **детальную концепцию, которая могла бы явиться основанием новой системы богословского образования**. Более того, Собор выразил пожелание, чтобы внедрение этой системы, с помощью Божией, осуществилось до конца 20-го столетия.

Пункт 2-й этого соборного определения при этом гласил:

«Новая система богословского образования должна включать в себя лучшее, что было присуще дореволюционной системе и что существует в современном отечественном и зарубежном опыте православного богословского образования».

Как мы видим, **задача разработки концепции, которая могла бы явиться основанием новой системы богословского образования**, была поставлена Русской Православной Церковью еще в 1994 году. Но путь к решению этой важнейшей заботы Церкви в области богословского образования оказался непростым и нелегким...

Что такое церковное богословие? Слово сочетание **«церковное богословие»** впервые встречается у Евсевия Памфила — современника и биографа святого Константина Великого, участника Первого Вселенского Собора, автора «Церковной истории». В конце 30-х годов IV века епископ Евсевий написал сочинение **«Церковное богословие»** (Ἐκκλησιαστικὴ θεολογία) Это сочинение, направленное против Маркема, епископа Анкирского, отнюдь не содержало в себе то, что было обещано в его названии. Евсевий Памфил, замечательный историограф, не был авторитетным учителем Церкви. Может быть, поэтому забылось даже название этого сочинения.

Почти забытое определение **«церковное богословие»** оказалось востребованным русской православной богословской наукой в начале XX века. И востребовано оно было именно тогда, когда возникла острая потребность отличать **православное богословие** как богословие Церкви Христовой Православной от **богословия вообще**, то есть от произвольного и (или) совсем не православного употребления термина **богословие**.

Заслуга введения в академическое богословие термина **церковное богословие** принадлежит одному из выдающихся богословов Русской Православной Церкви, замечательному патрологу и церковному историку профессору Санкт-Петербургской духовной академии **Николаю Ивановичу Сагарде (1870–1942/43)**¹.

Н.И. Сагарда, читавший в 1905–1918 годах в академии лекции по патрологии, считал, что священномученик Иринеи Лионский († ок. 202) «как богослов превосходит всех предшествовавших ему писателей послеапостольского времени». «Он первый представил цельное воззрение на отношение между Богом и миром, раскрытое из собственных принципов хри-

¹ Степень доктора церковной истории этот выдающийся патролог получил в мае 1917 года за сочинение «Святой Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский. Его жизнь, творения и богословие» (1-е изд. Пг., 1916; переизд.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра; Воскресение, 2006). Свое земное поприще Н.И. Сагарда, вероятно, окончил в оккупированном фашистами Киеве в 1942 или 1943 году.

стианской веры, и установил основные начала **церковного богословия**, которые в существенном остаются неизменными на все последующие времена»¹.

Рассматривая учение священномученика Иринея Лионского о Боге, Н.И. Сагарда писал, что «понятие о Боге занимало выдающееся положение в споре между **церковным богословием** и **гностицизмом**; в этом именно пункте наиболее ясно выступает особенность **словосочетания** и их различие от **церковного учения**»².

Говоря о богословском наследии святителя Афанасия Великого, Н.И. Сагарда не только указывает на «тесное родство и согласие сотериологических воззрений святых Иринея и Афанасия», но и подчеркивает, что «святитель Афанасий ввел в богословскую науку александрийцев новую струю и этим дал **церковному богословию** новый отпечаток и направление, которыми определен был существенный характер всей последующей церковной богословской науки»³.

Вершиной **церковного богословия** Никейской эпохи явились творения святителя Григория Богослова. Вспомним его пять **слов о богословии** (слова 27, 28, 29, 30 и 31). Н.И. Сагарда, указывая, что «богословием» (в теснейшем смысле слова) тогда признавалось учение о Боге едином по существу и троичном в Лицах, в сочетании с христологией, подчеркивает, что святитель Григорий Богослов в раскрытии троической веры и богочеловечества Иисуса Христа «достиг такой высоты, что по справедливости назван **великим церковным Богословом**»⁴.

Так выдающийся патролог Н.И. Сагарда возвратил в богословский оборот ключевой для православной богословской науки термин — **церковное богословие**.

Словосочетание **церковное богословие** употреблял профессор Московской духовной академии Анатолий Алексеевич Спасский (1866–1916)⁵ в своем исследовании «История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов». Как и Н.И. Сагарда, А.А. Спасский этим словосочетанием характеризовал строго церковное вероучение в сравнении с претендующими на христианское вероучение философскими воззрениями и системами.

Вслед за Н.И. Сагардой и А.А. Спасским словосочетание **церковное богословие** стал употреблять в своих богословских трудах и протоиерей Георгий Флоровский. В законченных к 1936 году очерках «Пути русского богословия» это словосочетание употребляется автором несколько раз. Первый раз — при описании реформы богословского образования во втором десятилетии XIX века, когда «среди крайностей мистических и философских увлечений, с одной стороны, и опасений или подозрений, с другой, постепенно обозначается узкий и горный путь **церковного богословия**»⁶.

Второй раз протоиерей Георгий Флоровский говорит о церковном богословии, когда анализирует введение в духовных школах академического Устава 1869 года. «Казалось, что в том попросту и состоит очередная задача новой русской науки, чтобы “догнать” западное просвещение. Получается, что у нас богословствовали скорее как бы по западнической или западной инерции, а не из внутренней потребности и убеждения. Почти забывали, что строить предстоит **церковное богословие**, а не богословие вообще»⁷.

Епископ Волоколамский Питирим (Нечаев; впоследствии — митрополит) на богословском собеседовании между членами Русской Православной Церкви и Евангелической Церкви в Германии, проходившем в октябре 1963 года в Троице-Сергиевой Лавре, выступил с док-

¹ Сагарда Н.И. Лекции по патрологии I–IV века. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2004. С. 403.

² Там же. С. 398.

³ Там же. С. 611–612.

⁴ Сагарда Н.И. Лекции по патрологии I–IV века... С. 663.

⁵ Спасский А. История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). 2-е изд. Сергиев Посад, 1914. С. 48, 117, 223, 232.

⁶ Флоровский Г. (прот.) Пути русского богословия. 4-е изд. с предисловием прот. И. Мейендорфа. Paris: YMCA-Press, 1988. С. 146.

⁷ Там же. С. 364.

ладом **«Основные проблемы современного богословского исследования в их развитии с конца XIX века»**. В этом докладе владыка Питирим утверждал, что вероучение Православной Церкви имеет непрерывную традицию и свято сохраняет преемственность от века святых апостолов и отцов Церкви. При этом он не рассматривал Священное Писание и Священное Предание как два обособленных источника Божественного Откровения, а утверждал, что «Священное Писание и Священное Предание в совокупности служат богооткровенным источником **церковного богословия**»¹.

Завершая краткий экскурс в историю термина **церковное богословие**, следует указать статью «Богословие», помещенную в V томе «Православной энциклопедии»². Здесь термин **«богословие»** (Θεολογία) рассматривается в разных аспектах: как таинство соединения с Богом, как путь непрерывного восхождения к боговедению, в статье имеется раздел «Богословие и философия», также говорится об апофатическом и катафатическом богословии, о богословии и Предании, о богословии в истории Церкви, о богословских дисциплинах. При этом автор статьи протоиерей Владимир Шмалий в разделе «Богословие и Предание» связывает богословие с литургической жизнью Церкви, с церковными таинствами. **«Церковное богословие, так же как и сама Церковь и ее Предание, сверхисторично по содержанию и одновременно исторично по форме передачи»**³.

Как мы видим, **церковное богословие** выражается во всем многообразии церковно-литургической жизни. Через благодатную церковно-литургическую жизнь все чада Церкви как Христовы ученики (так поначалу и назывались христиане) обучаются вере и жизни православной, не теоретическому, а живому, опытному **церковному богословию** — как надлежит веровать, молиться и жить, чтобы спастись и достигнуть воскресения в жизнь вечную.

В духовной же школе (семинарии, академии) **церковное богословие** изучается через освоение **источников церковного богословия**. Определить круг источников церковного богословия, показать пути и методы освоения их через изучение Священного Писания, Священного Предания и церковной истории в святоотеческом духе — это и есть актуальная, хотя и не новая задача духовных школ Русской Православной Церкви.

Проблема оцерковления учебных богословских дисциплин (предметов)

Чтобы лучше понять смысл словосочетания «церковное богословие», следует вспомнить об исключительно важном богословском докладе профессора МДА **Василия Дмитриевича Сарычева** (1904–1980)⁴, много лет преподававшего догматическое богословие. Доклад называется **«Задачи русской духовной школы»**. В сокращении он был опубликован в «Журнале Московской Патриархии»⁵.

Появление доклада далеко не случайно. В конце Великой Отечественной войны в стране началось восстановление жизнедеятельности духовных школ Русской Церкви. В СССР более четверти века не было духовных семинарий и академий. В 1940–1950-е годы назрела необходимость восстановления преподавания церковных дисциплин в новооткрытых духовных школах Русской Церкви. Тогда и встала задача совершенствования преподавания учебных богословских дисциплин (предметов). В 1962 году доцентом МДА Василием Дмитриевичем Сарычевым был представлен доклад «Задачи русской духовной школы». Этот доклад, прочитанный автором 27 мая в МДА на встрече русских богословов с делегацией греческих богословов, остается актуальным до настоящего времени.

Появление доклада далеко не случайно. В конце Великой Отечественной войны в стране началось восстановление жизнедеятельности духовных школ Русской Церкви. В СССР более четверти века не было духовных семинарий и академий. В 1940–1950-е годы назрела необходимость восстановления преподавания церковных дисциплин в новооткрытых духовных школах Русской Церкви. Тогда и встала задача совершенствования преподавания учебных богословских дисциплин (предметов). В 1962 году доцентом МДА Василием Дмитриевичем Сарычевым был представлен доклад «Задачи русской духовной школы». Этот доклад, прочитанный автором 27 мая в МДА на встрече русских богословов с делегацией греческих богословов, остается актуальным до настоящего времени.

¹ Питирим (Нечаев; еп.). Основные проблемы современного богословского исследования в их развитии с конца XIX века // Богословские труды. Сб. 5. М.: Изд. Московской Патриархии, 1970. С. 213.

² Шмалий В. (свят.). Богословие // Православная Энциклопедия. Т. 5. М.: Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная Энциклопедия», 2002. С. 515–520.

³ Там же. С. 519.

⁴ Перед кончиной принял монашеский постриг (с сохранением имени Василий).

⁵ Сарычев В. Задачи русской духовной школы // Журнал Московской Патриархии. 1962. № 9. С. 70–78.

В своем докладе В.Д. Сарычев отмечал: «Дух истинной церковности должен прививаться всеми дисциплинами, входящими в состав богословского образования. Церковное богословие имело и имеет целью прежде всего воспитать и образовать священнослужителей, способных быть добрыми, хорошими пастырями»¹.

11

«Забвение спасительной цели в богословских дисциплинах способствовало нарушению их внутреннего единства. Многие богословские труды, принятые как руководства в системе духовного образования, были отвлеченны; в лучшем случае они способствовали развитию формального мышления, но по существу были далеки от своей главной задачи — воспитания истинного христианина, разум которого просвещен верою»².

Говоря о необходимости совершенствования богословского образования, Василий Дмитриевич выступал против искусственного разграничения богословских дисциплин:

«Если прежде богословские, церковно-практические и церковно-исторические дисциплины были резко разграничены, то теперь они должны объединиться по внутренней направленности, определяющей их действительную церковность.

Признаком церковности является наличие прямо или косвенно выраженного веро- и нравочувствования в каждой дисциплине духовного образования, то есть соприкосновение ее в той или иной мере с истинами христианского богословия. Иначе говоря, все науки духовного образования должны быть по возможности духовны. Если выразить обобщение проблемы русского православного богословия, то это будет означать одухотворение, возвышение богословской мысли и вместе с тем придание отечески-богословского характера всем дисциплинам христианского образования»³.

Как отмечал В.Д. Сарычев, о необходимости «оцерковления» всех богословских дисциплин в свое время заботился митрополит Московский Филарет (Дроздов), «проникший, по разуму святых отцов, в глубину многих вопросов богословия». Заботился об этом и епископ Феофан Затворник, «построивший на святоотеческой основе свое нравственно-догматическое и экзегетическое богословие». О необходимости «оцерковления» всех богословских дисциплин, как говорил Василий Сарычев, проявлял заботу и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей I (Симанский).

В своем докладе В.Д. Сарычев подчеркивал: «"Оцерковление" богословских дисциплин должно стать христианским долгом каждого работника духовной школы, которая через это сможет лучше выполнить свое назначение — воспитание истинных служителей Церкви и дальнейшее развитие православного богословия»⁴.

Следует вновь сказать, что доклад «Задачи русской духовной школы», прочитанный Василием Дмитриевичем Сарычевым, остается актуальным до настоящего времени потому, что по-прежнему актуальной является задача оцерковления богословских дисциплин.

Чтобы совершалось оцерковление учебных дисциплин в духовных школах, необходима постоянная обращенность к источникам церковного богословия, свидетельствующим о спасительной вере Церкви.

Таким образом, **основная учебная задача** учащихся и учащихся духовных школ — уяснив круг, характер и взаимосвязь источников церковного богословия, преподавание богословских предметов строить на этих церковных основаниях.

Вполне понятно, что духовная школа должна иметь широкий круг учебных предметов, и студенту необходимо изучать многое. Но при этом не следует забывать слова апостола Павла

---

¹ Там же. С. 75.

² Там же. С. 71–72.

³ Сарычев В. Задачи русской духовной школы... С. 77–78.

⁴ Там же.

«**Вся же искушающе, добрая держите**» (1 Фес. 5:21). То есть: «Все испытывайте, хорошего держитесь». Изучать можно многое, но при этом держаться надо церковного богословия.

А **главная воспитательная задача** духовной школы — помочь обучающимся усвоить свидетельства церковного богословия, сделать их своими, родными, всегда необходимыми. Если же выпускник духовной школы не полюбил богослужение, не навывк постоянно обращаться к Священному Писанию, если не сроднился со святоотеческими творениями, то его духовное образование вряд ли можно считать полноценным.

Церковное богословие как основа для совершенствования богословского образования

35 лет тому назад, в 1985 году, праздновалось 300-летие МДА. На проходившей по этому поводу научно-богословской конференции тогдашний секретарь Совета академии профессор **архимандрит Платон (Игумнов)** в своем докладе сказал, что **«сейчас настоятельно стоит задача вдохнуть в процесс богословского образования новое содержание»**¹.

Одна из сложнейших проблем богословского образования — это **многопредметность** и **разнонаправленность** учебных предметов (дисциплин).

Об этом еще в 1985 году ясно сказал тогдашний проректор МДА профессор, доктор богословия **Михаил Степанович Иванов**.

На проходившей по поводу празднования 300-летия МДА научно-богословской конференции Михаил Степанович представил обширный доклад — **«Академическое богословие (исторический обзор)»**². В этом докладе он прямо сказал о многопредметности как об одной из важных проблем богословского образования:

«Важной проблемой, которую решает сейчас высшая Духовная школа и которая имеет самую тесную связь с академическим богословием, является проблема соотношения разносторонности богословского образования и его глубины. Она была поставлена еще в прежней Академии, но окончательного решения тогда так и не получила, причиной чему, на наш взгляд, явилось то, что при обсуждении принимались во внимание в основном академические уставы и, в частности, количество дисциплин в Академии, определяемое тем или иным уставом. Такой количественный подход позволял выявить наличие многопредметности или узкой специализации. Но он не мог всесторонне определить качества богословского образования, от которого зависело состояние богословской науки в Духовной школе»³.

Однако разносторонность глубине не помеха, равно как и глубина — разносторонности. А вот многопредметность, или попросту изобилие схоластических курсов, — это как раз то, что мешает богословскому образованию, не позволяя ему углубиться в православную богословскую стихию⁴.

К настоящему времени указанная М.С. Ивановым проблема многопредметности не только не разрешилась, но и усугубилась. Произошло это в значительной степени благодаря влиянию Болонской системы на российскую систему образования. Болонский процесс вывел регулирование системами высшего образования за рамки национальных границ государств и установил целый ряд требований и критериев для национальных систем, приведших к необходимости реформирования традиционных систем регулирования, как по форме, так и по содержанию. Введены оценки трудоемкости (курсов, программ, нагрузки) в терминах зачетных единиц, и этим уже как бы и обеспечивается высокое качество образования. Но ни для кого не секрет, что это не так. Главная задача — как-то впихнуть в болон-

¹ Журнал Московской Патриархии. 1986. № 4. С. 12.

² Иванов М.С. Академическое богословие (исторический обзор) // Журнал Московской Патриархии. 1986. № 1. С. 59–70.

³ Там же. С. 68–69.

⁴ В Определении Архиерейского Собора (1994) «О задачах Церкви в области богословского образования» (пункт 12) говорилось о необходимости «озаботиться разработкой новых программ и учебных планов, которые бы исключили параллелизм в преподавании ряда дисциплин».

скую структуру имеющиеся учебные планы и программы и отчитаться за количество зачетных единиц. А о качестве образования остается только вздыхать, да может быть плакать...

Если принять концепцию богословского образования, построенную на основе церковного богословия, то можно избежать многопредметности и разнонаправленности учебных дисциплин (предметов).

Все изучаемые в семинарии богословские учебные дисциплины могут органично входить в состав следующих комплексных учебных курсов:

Литургическое богословие,

Святоотеческое богословие,

Историческое богословие,

Апологетическое богословие.

При этом содержание всех богословских учебных дисциплин (предметов) призвано соответствовать:

- литургической жизни Церкви,
- святоотеческой богословской традиции,
- современными требованиями историко-филологических наук,
- а также главным современным задачам Церкви:
  - миссионерскому служению,
  - образовательной деятельности.

Известно, что некогда в связи с предполагаемой специализацией было выделено четыре направления: богословское, церковно-практическое, церковно-историческое и библейское. И со временем такое разделение стало привычным. Но как можно разделять богословское направление и библейское? Разве не в Библии содержится превысшее богословие: **«В начале бе Слово»** (Ин. 1:1)? И как можно у богословского направления отнять Священное Писание, то есть Библию? — Только в схоластической проекции.

Кроме того, если исходить из принципа целостности церковного богословия, становится не вполне оправданным и имеющее место разделение предметов (а также и кафедр) «Ветхий Завет» и «Новый Завет». Разве можем мы изучать Священные книги Ветхого Завета, не обращаясь, как говорится, на каждом шагу, к книгам Нового Завета? Так же, изучая Новый Завет, мы ведь постоянно обращаемся к обетованиям, пророчествам и прообразам Ветхого Завета.

Другое дело — протестанты. У них принцип «Sola scriptura» — «только Писание!». Отсюда же проистекает концепция библейского богословия как особого богословского направления. Отвергая Священное Предание, протестанты декларируют, что только Библия является источником их верований, хотя на самом деле они накопили много своих преданий.

А теперь постараюсь очень кратко охарактеризовать каждый из четырех комплексных учебных курсов, которые могут составить ядро богословского образования в духовной школе.

Литургическое богословие — основа литургического богословия — это Божественная Евхаристия. Священномученик Ириней, епископ Лионский († ок. 202 г.) писал: **«Наше учение согласно с Евхаристиею, и Евхаристия в свою очередь подтверждает учение»**¹. Следовательно, в комплексный курс литургическое богословие могут входить догматическое богословие, гомилетика, эртология и дру-

¹ Ириней Лионский, св. Творения. М.: Благовест, 1996. С. 365. (Серия «Библиотека отцов и учителей Церкви».)

гие учебные предметы, получающие наилучшее богословское раскрытие в Литургии и литургической жизни Церкви.

Ректор МДА протоиерей Константин Ружицкий (1888–1964), характеризуя кандидатские работы ее выпускников 1960 года, в частности, отметил работу на тему «Учение о спасении по службам двенадцатых праздников Постной и Цветной Триоди и Октоиха». Говоря об этой диссертации, ректор МДА отметил:

«На основании анализа богослужебного материала автор показывает, как богослужение, это **“сердце церковной жизни”**, глубоко и точно отражает православное учение о спасении. Богослужение есть общенародное **церковное богословие**: оно должно рассматриваться как непрестанное и живое исповедание вероисповедания Православной Церкви на протяжении всей ее истории; оно есть богословствование всей Церкви»¹.

Здесь уместно вспомнить, что протоиерей Александр Горский (†1875), знаменитый ректор МДА, советовал студентам внимательно изучать богослужение, потому что оно — **«цвет и плод древа жизни Церкви Христовой»**.

Святоотеческое богословие Завершая заседания Четвертого Вселенского Собора (453 г.), святые отцы воскликнули: «Сия вера апостольская, сия вера **отеческая**, сия вера православная, сия вера вселенную утверди!» То есть вера православная — вера святоотеческая.

Святоотеческое богословие — это не только курсы патрологии и патристики. Это православная сотериология, которую Церковь хранит и преподает нам в творениях святых отцов: в их словах, беседах и поучениях, в исследованиях Писания, в богослужебных текстах, символах, догматах и правилах, в обличениях ересей, а кратко сказать — во всем святоотеческом наследии.

Историческое богословие В **историческом богословии**, как вслед за священником Сергием Мансуровым² указывал архимандрит Иннокентий (Просвирнин), главный стержень — агиография. О важности агиографии говорит и Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл: **«Идеалом нашего народа была святость. Это общенациональная идея. И поэтому те, кто достигал святости, кто реализовывал этот общенациональный идеал, становились героями, героями духа, подвижниками, светильниками, теми, на кого равнялись люди»** («О национальной идее»).

Церковно-исторические источники составляют ту драгоценную часть Церковного Предания, без изучения которой не может быть полноценного богословского образования. Важнейший аспект исторического богословия — это миссионерская деятельность Церкви. С благовестия апостолов в день Пятидесятницы и до сего времени через проповедь и Святое Крещение Господь прилагает к Церкви Своей спасаемых (Деян. 2:47). И только после того, как будет проповедано Евангелие всем народам, наступит кончина мира. Следовательно, история Церкви может быть рассматриваема как история распространения благовестия Христова. Естественно, что в данном комплексном курсе достойное место займут и такие предметы, как церковная история, история Русской Церкви, а также другие традиционные церковно-исторические учебные дисциплины.

Апологетическое богословие **Апологетическое богословие** призвано дать православный экклезиологический анализ всему тому многообразию религиозного опыта, который находится вне православия. Источники церковного богословия дают довольно четкие очертания **церковной веры — веры Церкви Христовой православной**. Поэтому органически связанными разделами в комплексном учебном курсе **апологетическое богословие** являются такие учебные дисциплины, как православная апологети-

¹ Ружицкий К. (прот.). Тематика кандидатских работ студентов Московской Духовной Академии // Журнал Московской Патриархии. 1960. № 4. С. 42.

² Мансуров С. (свящ.). Очерки по Истории Церкви // Богословские труды. Сб. 6–7. М., 1971–1972.

ка, апологеты Древней Церкви, основное богословие, сравнительное богословие, сектоведение. И поскольку все церковные соблазны и разделения коренятся в различном понимании церковности, то апологетическое богословие призвано стать надежным богословским стражем православной экклесиологии.

* * *

Поскольку в настоящем докладе речь идет о совершенствовании богословского образования, то нужно отметить также следующие актуальные заботы.

Необходимо уделять значительно большее внимание **написанию сочинений**, а также **подготовке и произнесению проповедей и богослужебной практике в целом**. Всё это нельзя отделять от целей и задач церковного богословия, если желаем, чтобы студенты семинарии не относились к написанию сочинений и произнесению проповедей формально («лишь бы как-нибудь сделать»). Если предлагаемый шаг будет сделан, то успешней будет подготовка и защита выпускных квалификационных работ.

Педагогическая подготовка Особая забота современного семинарского образования — **педагогическая подготовка** к пастырскому служению в сфере образовательной деятельности Русской Православной Церкви. При каждом приходе имеется (должна быть!) воскресная школа. Значит, каждый приходской священнослужитель должен быть готов преподавать Закон Божий в воскресной школе или, если есть квалифицированный преподаватель, курировать жизнедеятельность воскресной школы, стараясь непосредственно участвовать в ее жизнедеятельности.

Более того, образовательная деятельность прихода не должна ограничиваться церковной опекой воскресной школы. Приход, имеющий хорошо поставленную воскресную школу, выражаясь современным языком, должен быть ресурсным центром, всемерно помогающим распространению и совершенствованию преподавания основ православной культуры в общеобразовательных организациях — школах, гимназиях и лицеях.

А если приход является учредителем православной гимназии, общеобразовательной организации, то обосновывать необходимость добротной педагогической подготовки семинариста нет необходимости.

Вкратце следует резюмировать: выпускник семинарии должен быть готов преподавать в воскресной школе и (или) православной гимназии Закон Божий, а в общеобразовательной организации (школе, гимназии, лицее) — «Основы православной культуры».

В связи с вышесказанным, вынужден с сожалением отметить, что центры подготовки церковных специалистов не учитывают и не удовлетворяют потребности в систематической подготовке церковных специалистов в сфере образовательной деятельности Русской Православной Церкви в указанных сферах: воскресные школы, православные гимназии, православные дошкольные образовательные учреждения и особенно — государственные и муниципальные школы, где преподаются основы православной культуры.

Эти центры призваны готовить специалистов в области катехизической, миссионерской, молодежной и социальной деятельности Церкви. А как быть с подготовкой специалистов по церковно-образовательному служению? А ведь при каждом приходе имеется (должна быть!) воскресная школа. Кроме того, где-то недалеко от храма есть и муниципальная школа или даже несколько школ... Если об этом не забывать, то получается, что необходимость в подготовке церковных специалистов в сфере образования и педагогики не меньшая, чем, например, в сфере социального и молодежного служения.

И еще одно направление образовательной деятельности Русской Церкви — **теологическое образование**. Известно, что в настоящее время актуальной заботой является расширение и утверждение преподавания теологии в вузах. Есть и параллельная забота — получение диплома о теологическом образовании воспитанниками некоторых семинарий, или некото-

рыми воспитанниками семинарий, которые осваивают соответствующие образовательные программы.

Но, чтобы, функционируя в научно-образовательном пространстве России, **теологическое образование** достигло своей просветительной цели, и **в преподавании, и в изучении теологии необходимо не забывать о церковном богословии**. Потому что опора на *богословие вообще* — это шаткая опора, а опора на **церковное богословие** дает необходимый стержень теологическому образованию и не позволяет ему раствориться в межрелигиозном пространстве «многообразия религиозного опыта»¹.

Появившееся не так давно странное словосочетание «*современное богословие*» с православной позиции **церковного богословия** требует критического осмысления. Это выражение («современное богословие», а также выражение «современная богословская мысль»), например, любит употреблять недавно вышедший на широкую богословскую стезю профессор О.Б. Давыдов. Он сказал, например, что «в современном богословии конфессиональные различия не имеют никакого значения». А в интервью от 3 апреля 2020 года он выдал следующее «откровение» (в кавычках):

«Мы живем в эпоху небывалого богословского расцвета, являемся современниками целой плеяды блестящих христианских богословов и философов, среди которых Милбанк, Харт, Хёсле, Шиндлер, Ориган, Хауэрвас, Тейлор, Макинтайр, Каннингем и другие. Развивать можно любые направления мысли, но необходимо делать это на уровне современной мировой богословской мысли и в диалоге с философией».

Но православная святоотеческая богословская наука не ставила задачи искать *новые течения в богословии*. Церковное богословие не стремится искать и так называемые *богословские компромиссы*, потому что своей двусмысленностью они никого не удовлетворяют. Актуальные богословские и общественно значимые вопросы православное богословие, то есть церковное богословие, освещает, не отступая от православного правила веры и благочестия. Примеры: «Основы учения Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (2008 г.), «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000 г.).

Пример обращения к церковному богословию

Для того чтобы стало более понятным, чем **церковное богословие** отличается от *богословия вообще*, позвольте привести следующий пример.

Речь пойдет о приснопамятном профессоре Московской духовной академии, замечательном патрологе **Алексее Ивановиче Сидорове** (1944–2020). Этот великий труженик на ниве церковного богословия почил о Господе 23 февраля нынешнего года. Вечная ему память!

Благодарно вспоминая о нем и его обширных богословских трудах, теперь, когда Господь уже призвал его от земных трудов к блаженному упокоению, можно во славу Божию поведать и о том, как он от *богословия вообще* пришел к **церковному богословию**. Сказать об этом позволительно, потому что он сам неоднократно писал об этом.

Алексея Ивановича, уже состоявшегося ученого — кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института истории СССР, — в 1988 году, в год празднования 1000-летия Крещения Руси, Господь привел в Московскую духовную академию. Здесь он был назначен сначала преподавателем истории Древней Церкви. Впоследствии же он стал заведующим кафедрой патрологии МДА. С 2003 по 2008 год он (по совместительству) работал ведущим научным сотрудником Института мировой литературы РАН, где возглавлял группу византийской литературы.

¹ Это выражение Уильяма Джемса, автора книги «Многообразие религиозного опыта» (1902).

С 1997 года он — профессор МДА и ПСТБИ. В 1999 году за выдающуюся научно-педагогическую деятельность и совокупность научных работ ему была присуждена степень доктора церковной истории. Профессор Алексей Иванович Сидоров является автором более ста научных работ, из них — десяти книг.

17

Будучи профессором МДА, Алексей Иванович Сидоров более всего занимался переводами творений святых отцов и преподаванием патрологии. Этот подвижник на ниве православного просвещения также был вдохновителем, составителем и главным редактором ряда книжных серий, посвященных богословскому святоотеческому наследию (например, серии «Библиотека отцов и учителей Церкви»). О его трудах можно было бы представить обширную лекцию. Но в соответствии с темой настоящего доклада мне хотелось бы сказать именно о том, как он перешел от *богословия вообще* к **церковному богословию**. Сам Алексей Иванович об этом пути подробно написал в Предисловии к книге «Святоотеческое наследие и церковные древности» (Т. I. М., 2011. С. 5–8).

Будучи еще светским ученым, в 1981 году Алексей Иванович защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблема гностицизма и синкретизм позднеантичной культуры». Опытный переводчик, он много лет тщательно изучал памятники древней христианской письменности, знакомясь в это же время с творениями святых отцов первых веков церковной истории.

Далее познакомимся с извлечением из исповеди Алексея Ивановича. Эти слова он сам назвал именно исповедью, которую и поместил в указанном выше предисловии к книге **«Святоотеческое наследие и церковные древности»**.

«До прихода своего в Церковь я увлекся “лжеименным ведением”, то есть гностицизмом и манихейством, с удовольствием погружаясь в прелестный мир пустых интеллектуальных фантазий различных гностических систем, ведущих человека к духовной гибели.

Чудом избежав, по Промыслу Божию, поглощения этой “многоголовой гидрой” (так называл св. Ириней Лионский гностическую ересь), я в процессе своего воцерковления столкнулся с более серьезной опасностью — ересью оригенизма. Ориген (как и Евагрий Понтийский) мне представлялся глубоко и ошибочно неопределенным Церковью мыслителем и богословом, который в силу случайных исторических и личностных обстоятельств подвергся соборному осуждению.

Должен отметить, что в подобной точке зрения меня утверждали и многочисленные научные труды западных исследователей, как протестантских, так и католических, для которых посмертная апология Оригена является ныне преобладающей тенденцией.

Я был уверен, что, отделив в оригенизме многие замечательные и глубокие мысли от заблуждения, можно восстановить историческую истину и тем самым принести велию пользу Церкви.

Потратив немало лет на изучение сочинений Оригена и Евагрия, я с трудом осознал тот факт, что даже если одна ложка дегтя портит бочку меда, то когда в эту бочку выливается ведро дегтя, тогда о меде просто не может идти речи.

Прелесть оригенизма и ныне является опасностью, куда более пагубной, чем заблуждения “лжеименного ведения”, поскольку она претендует на то, чтобы быть высшей *христианской* мудростью. Такое якобы “интеллектуальное богословие”, будучи по своей главной интенции элитарным, разрушает суть Благовествования Господа, так как уничтожает органичную связь ума с сердцем как главным средоточием, фокусирующем в себе благодать Боговедения»¹.

¹ Сидоров А.И. Святоотеческое наследие и церковные древности. Т. 1: Святые отцы в истории Православной Церкви. М.: Сибирская благовонница. 2011. С. 6–7.

Продолжая эту свою исповедь, Алексей Иванович написал, что для понимания лживости оригенизма, к сожалению, ему потребовался не один год. «Хотя в этом долгом осознании был и положительный момент — благодаря изучению святоотеческих творений выработалось противоядие от различного вида псевдоинтеллектуальных прелестей, которые постоянно и настойчиво искушают церковное веросознание»¹.

И начиная с 2009 года Алексей Иванович Сидоров все свои исследования ведет строго в русле **церковного богословия**. Это показывают сами названия последовавших его трудов:

«Становление древнецерковного богословия и его характерные черты» (2009);

«Церковное богословие в период от Первого до Второго Вселенского Собора» (2009);

«Церковное богословие в начальный период христологических споров: соблазны ересей и борьба за православие» (2010).

Так Алексей Иванович пришел к глубокому пониманию, что **православное богословие — это церковное богословие**.

Нам же этот замечательный исследователь святоотеческих творений оставил важную заповедь:

«Православие, при всем богатом разнообразии цветовых оттенков, есть и всегда останется Православием, а ересь — ересью. Это постоянно должен помнить всякий православный ученый, если он хочет быть **православным** исследователем»².

На отпевании Алексея Ивановича были сказаны такие слова: «Он всегда радовался тому, когда видел в людях стремление воспринять учение святых отцов, воспринять их жизнь как не просто какое-то знание, а прежде всего как повод самим подражать святоотеческому учению»³.

Вечная память незабвенному труженику на ниве православного просвещения и защитнику церковного богословия!

Развивается ли богословие? Говоря о церковном богословии, невозможно не коснуться проблемы «догматического развития». Мы привыкли к тому, что все науки развиваются или, по крайней мере, должны развиваться. Развиваются естественнонаучные учебные дисциплины, развиваются философские системы. В XIX–XX столетиях протестантские теологи увлеклись исследованием истории развития христианских догматических учений».

«История догматов» превратилась в XIX–XX веках в увлекательную науку, в которой *история христианского вероучения, или история христианского богословия*, стала исследоваться и излагаться наподобие истории философских учений. Для исследователей *истории христианской мысли* главными стали вопросы: кто из писателей (философов, богословов) на кого, когда и как повлиял, и насколько оригинальной является та или иная богословская система.

Православные же богословы не учили о развитии богословия в протестантском или католическом духе, но под развитием иногда понимали «выработку догматических формулировок».

Источником церковного богословия является единая вера Церкви. За эту «веру, однажды преданную святым», призывал подвизаться святой апостол Иуда (Иуд. 3). О единой вере свидетельствовал и святой апостол Павел: «*один Господь, одна вера, одно крещение*» (Еф. 4:5).

Архиепископ Василий (Кривошеин) (1900–1985) дает следующее описание **веры церковной**. «Церковь свято хранит “веру, однажды” и раз навсегда “преданную святым” (Иуд. 3).

¹ Там же. С. 7.

² Там же. С. 17.

³ Из надгробного слова проректора по научной работе МДА протоиерея Александра Задорного.

“Последуя святым отцам”, — так начинают свое знаменитое определение о вере (орос) отцы Четвертого Халкидонского Собора. Таким путем и впредь должно идти подлинное православное богословие. Верность отцам — его основной признак. Не потому только, что они древние отцы, хотя свидетельство древности всегда ценно, а потому, что в их творениях подлинно выражена **вера церковная**, как ее предвещали пророки, научил Христос словом и делом, проповедали силою Духа Святого апостолы, определили Соборы, разъяснили отцы. “Сия вера апостольская, сия вера отеческая, сия вера православная, сия вера вселенную утверди”. И вот эту веру должно неизменно выражать всякое православное исповедание и определение»¹.

Известный богослов Владимир Николаевич Лосский (1903–1958) о так называемом «догматическом развитии» писал: «Осмелится ли кто, вопреки всякой очевидности, говорить о каком-то коллективном прогрессе в познании тайн христианского учения, о прогрессе как следствии *догматического развития* Церкви?» — спрашивал В.Н. Лосский. И со свойственным ему юмором продолжал: «Не началось ли это *развитие* с “евангельского детства”, чтобы после “патристической юности” и “схоластической зрелости” дойти до печальной дряхлости учебников богословия?»².

Прекрасное изъяснение в чем существо богословия как науки содержится у священномученика Иринея, епископа Лионского, пострадавшего за Христа около 202 года. Это свидетельство содержится в его знаменитом творении «Обличение и опровержение лжеименного знания», более известном под латинским названием «Adversus haereses» — «Против ересей». Написано было это творение в 80-е годы II века. Священномученик Иринея не ставил себе задачи составлять «систематическое богословие». Он писал о Церкви Христовой, защищая веру Церкви от еретиков-гностиков, распространивших свои лжеучения.

«Церковь, хотя и рассеяна по всей вселенной даже до концов земли, но приняла от Апостолов и от учеников их Веру в единого Бога Отца, Вседержителя, сотворившего небо и землю, и море, и все, что в них; и во единого Христа Иисуса, Сына Божия, воплотившегося для нашего спасения»³.

А далее древнехристианский богослов дает удивительную характеристику веры и учения Церкви Христовой.

«И ни весьма сильный в слове из предстоятелей церковных не скажет иного в сравнении с сим учением, ибо никто не выше Учителя, — ни слабый в слове не умалит предания. Ибо, так как вера одна и та же, то и тот, кто многое может сказать о ней, не прибавляет, и кто малое, не умаляет»⁴.

Это похоже на собирание манны в пустыне. *«И сделали так сыны Израилевы и собирали, кто много, кто мало; и мерили гоморром, и у того, кто собрал много, не было лишнего, и того, кто мало, не было недостатка; каждый собирал, сколько ему съесть»* (Исх. 16:17–18).

Готовясь обличать лжеименное знание (еретический гнозиз), святой Иринея сразу же после вышеприведенного рассуждения о неумалюмости и неприбавляемости веры и учения Церкви говорит о церковном познании и обучении.

«Большее же или меньшее знание некоторых, по мере разумения, состоит не в изменении самого содержания — не в том, чтобы измышляли иного Бога, кроме Создателя, Творца и Питателя сей вселенной, как будто не довольствуясь им, или иного Христа, или иного Единородного; но в том, что тщательно исследуют мысль сказанного в притчах и соглашают с содержанием веры, — в том, что раскрывают ход дел и домостроительство Божие относительно рода человеческого <...>, показывают, почему было много заветов с родом челове-

¹ Там же. С. 23–24.

² Лосский В. Предание и предания // Журнал Московской Патриархии, 1970, № 4. С. 73.

³ Иринея Лионский, св. Творения. М.: Паломник; Благовест, 1996. С. 49.

⁴ Там же. С. 50.

ческим, и учат какое отличительное свойство каждого из заветов <...>, с благодарным чувством изображают, для чего Слово стало плотью и пострадало»¹.

Воскликнув с апостолом Павлом: «О глубина богатства и премудрости и знания Божия! Как непостижимы суды Его и неисследимы пути Его», — святой Иринея заключает: «В этом состоит знание»².

Если внимательно проанализировать вышеприведенные рассуждения Святителя Иринея Лионского, то можно сказать, что здесь представлена целостная концепция святоотеческой методики церковного богословия, которая не утратила своей значимости до настоящего времени. Основанием для этой концепции и методики является **вера Церкви**, синонимически определяемая Святым Иринеем в его богословских трудах также как «учение Церкви», «предание Церкви», «апостольская проповедь», «проповедь Церкви», или просто — **вера, учение, предание, проповедь**.

Богословское образование и интернет

Говоря о совершенствовании богословского образования, невозможно не коснуться проблем, связанных с разнообразными потоками информации, в частности, идущими через интернет.

О том, какие огромные возможности дают новые образовательные технологии, — сказано и написано очень много. Без компьютера и интернета мы, кажется, и шагу ступить уже не можем. **Но есть и противопоказания**. Нам порой кажется, что теперь всё, что надо, легко найти, легко скачать, сохранить на диске... Но если при этом внимательно не читать, не изучать то полезное, что ты скачал, если не проработать найденный источник или книгу, то ведь ничего или почти ничего не усваивается! И весь эффект от такой технологии обучения — это пустая самонадеянность. А в результате — никаких твердых знаний и навыков, которые достигаются не легкостью скачивания информации, а большим учебным трудом.

Читать Священное Писание, творения святых отцов, литургические тексты и исследования — это не чтение эсэмэсок. Это — благоговейный духовный и спасительный труд, к которому необходимо прививать вкус.

Есть сторонники переформатирования богословского образования путем приспособления к современным информационным требованиям. Например, архимандрит Кирилл (Говорун) в феврале 2010 года убеждал: «Важно понять, что сейчас совершенно меняется парадигма образовательного процесса. Это связано с несколькими моментами»³.

В настоящее время происходят изменения глобальной образовательной системы. Эти изменения экстраполируются также на систему духовного образования. Изменение парадигмы образования связано прежде всего с процессами, которые происходят в обществе, в сфере знания, сфере информации».

«Мы являемся свидетелями информационной революции, когда меняется отношение к информации, — считает Кирилл (Говорун). — Информация меняет человечество, информация меняет мир. Мы живем в эпоху даже не информационного, а постинформационного общества. Что это означает? Человечество накопило огромное количество информации, которое выросло за последние годы в геометрической прогрессии».

Да, информация сильно меняет мир, меняет человека. Но в лучшую ли сторону меняет? Человечеству начинает грозить перспектива трансгуманизма. Поэтому надо ли устремляться за таким лукавым и опасным «прогрессом»?

¹ *Иринея Лионский, св.* Творения. М., 1996. С. 50–51.

² Там же, с. 51.

³ Доклад первого заместителя председателя Учебного комитета Русской Православной Церкви архимандрита Кирилла (Говоруна), прозвучавший 3 февраля 2010 года на конференции докторантов в Общецерковной аспирантуре и докторантуре им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Отметим, что архим. Кирилл — уже бывший сотрудник Русской Церкви в сфере образования.

Компьютер, конечно, нужен. И в интернете можно найти полезные материалы. Но разве нужно системе духовного образования сообразовываться с процессами глобализации?

Примером богословия вообще (а не церковного богословия) можно назвать портал «Богословие.ру». Деятельность портала, по словам его руководства, направлена «на достижение конкретных целей: мы стремимся создать качественную научно-богословскую среду наряду с традиционными богословскими институтами науки и культуры, сделать богословие по-настоящему актуальным». Новых участников портала они приглашают к сотрудничеству как в клуб: «Добро пожаловать в наш клуб! — Да, именно клуб. Портал «Богослов.ru» — это место, где встречаются интеллектуалы, клуб любящих мыслить и открывать для себя новое».

Но чему нас учит святой апостол Павел? Он призывает нас: «Смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы» (Еф. 5:15). Потому что постмодернистское «богословие» — это не церковное богословие, значит не спасительное.

Когда говорят, что нужно совершенствовать систему образования, то обычно употребляют слова «реформа образования». Но **само по себе** и **само для себя** (как самоцель) реформирование образования положительных результатов не дает. Реформы в сфере образования бывают и непродуманными, и скороспелыми, и неудачными.

В области же православного богословского образования, как призывал профессор МДА В.Д. Сарычев, требуется «**оцерковление**» богословских предметов. В основе образования, которое дают духовные школы Русской Православной Церкви, должно быть не *богословие вообще*, а **церковное богословие**. Тогда преобразится вся система богословского образования Русской Церкви. И не будет нужды периодически поднимать вопрос о необходимости реформирования системы образования в духовных школах Русской Церкви.

Богословское образование нуждается не в реформах, а в преображении. А основание для этого и путь к этому — **церковное богословие**. Основание для построения новой системы богословского образования на фундаменте **церковного богословия** в Русской Православной Церкви сохранилось — это непрерывная благодатная литургическая жизнь Церкви Христовой Православной, всегдашней хранительницы живого, опытного церковного богословия и Святоотеческого Предания.

К этому призывали нас те замечательные церковные богословы, которые получили богословское образование еще в дореволюционных духовных школах или учились церковному богословию в семинариях и академиях, восстановленных в первые годы после гонений на Церковь.

С благодарностью хочется назвать следующих подвижников русской богословской науки:

- профессор-протоиерей **Александр Ветелев**, еще до революции учившийся в Казанской духовной академии, преподаватель гомилетики, пламенный проповедник слова Божия;
- профессор **Алексей Иванович Георгиевский**, литургист, духовный писатель, который также еще до революции окончил духовное училище и стал одним из первых студентов духовных школ, открытых в конце Великой Отечественной войны;
- профессор **Василий Дмитриевич Сарычев** (в постриге Василий), преподаватель Догматического богословия МДА, автор многих глубоких богословских трудов;
- архимандрит **Иоанн (Маслов)**, воспитанник Глинской Пустыни, преподаватель пастырского богословия и практического руководства для пастырей, духовный писатель, педагог;
- протоиерей **Валентин Радугин**, преподаватель Минской (Жировицкой) семинарии, затем Одесской семинарии, затем — МДА, знаток церковной истории и мудрый наставник студентов;
- архимандрит **Иннокентий (Просвирнин)**, доцент МДА, великий подвижник богословской науки: церковный историк и источниковед, агиограф, книгоиздатель, паче иных потрудив-

шийся на ниве духовного просвещения.

Вечная память этим и многим ныне не названным незабвенным труженикам духовных школ, хранителям церковного богословия!

Апостол Павел учит: *«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их»* (Евр. 13:7).

Надо бы еще назвать и старейшего профессора МДА, ныне здравствующего, которому уже пошел десятый десяток лет. Это мудрейший **Константин Ефимович Скурат**, доктор церковной истории, знаток святоотеческой письменности. Читайте его книги, если хотите утвердиться в вере православной и церковном богословии!

Выводы

1. Основная **учебная задача** православной духовной школы — уяснить круг, характер и взаимосвязь источников церковного богословия. И, имея твердый учебный план (состав и порядок учебных дисциплин), сформированный на принципах церковного богословия, давать студентам духовной семинарии прочные знания по всем основным богословским направлениям: литургическому, святоотеческому, историческому и апологетическому.

Если же учебный план менять едва ли не каждый год, то трудно ожидать совершенствования семинарского образования. Когда деревце часто пересаживают, то вряд ли оно приживется, а уж об ожидаемых плодах и говорить не приходится...

2. Основная **воспитательная задача** православной духовной школы — помочь обучающимся усвоить драгоценные свидетельства **церковного богословия**, сделать их своими, родными, всегда необходимыми. Ведь если выпускник духовной школы не полюбил богослужение, не приобрел навык регулярно читать Священное Писание, не сроднился со святоотеческими книгами, то полученное им духовное образование и воспитание невозможно признать полноценным. Даже если этот выпускник на «хорошо» и «отлично» сдаст экзамены.

3. **Непременным условием для получения добротного богословского образования является благочестивая жизнь студентов.** В Слове 20 (о догмате Святой Троицы) святитель Григорий Богослов связывает богословствование с добродетельной жизнью, во всем согласной с заповедями Божиими:

*«Хочешь ли со временем стать богословом и достойным Божества? — Соблюдай заповеди, и не выступай из повелений. Ибо дела, как ступени, ведут к созерцанию. Трудись телом для души. И может ли кто из людей стать столь высоким, чтобы прийти в меру Павлову? Однако же и он говорит о себе, что видит только *зерцалом в гадании*, и что наступит время, когда узрит *лицем к лицу* (1 Кор. 13:12)»¹.*

* * *

В заключение хотелось бы выразить надежду, что работа над составлением **Концепции образовательной деятельности Русской Православной Церкви** будет завершена (а ведется она с 2011 года). И что с Божией помощью все-таки будет выработан общецерковный подход к образовательной и просветительной деятельности Святой Русской Церкви. А лучше сказать — к просветительно-образовательному служению Церкви.

Как любили говорить алтайские миссионеры, «Свет Христов просвещает всех!».

«Да сохранит русское богословие силу Христову и творчество Божие!».

¹ Григорий Богослов. Собрание творений: В 2-х тт. Репринт. изд. Т. 1. Б/м.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. С. 305.